

и виконать оную, по силѣ того же права, на судѣ полковомъ», въ личномъ присутствіи истца.

Внизу протокола имѣется записъ: «Оной приговоръ обидвѣ стороны слухали и, будучи довольни, на томъ подписались», но по неграмотности, вмѣсто себя, просили «руки приложить» суда полкового полтавскаго подканцеляристовъ Петра Волковецкаго и Григорія Петренка. (*Актовая книга Полт. полк. суда 1750—1753 и., изъ собранія А. М. Лазаревскаго*).

Ор. Левицкій.

Быль-ли игумень Мелхиседекъ Значко-Яворскій организаторомъ украинскаго возстанія 1768 г.? Осенью 1904 г. въ Петербургѣ вышла изъ печати новая цѣнная работа извѣстнаго украинскаго историка, проф. Мих. Грушевскаго, — «Очеркъ исторіи украинскаго народа» (Спб., 1904 г.).

Не считая себя достаточно компетентнымъ для того, чтобы производить оцѣнку всего труда почтеннаго ученаго, я хочу остановиться на одномъ явленіи изъ жизни украинскаго народа, въ освѣщеніи котораго проф. Грушевскимъ допущена нѣкоторая неточность. Я имѣю въ виду Коливщину, говоря о которой, проф. Грушевскій утверждаетъ: «Выдающуюся роль въ немъ (т. е. въ украинскомъ возстаніи 1768 г.) сыгралъ игумень Мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, бывший наблюдателемъ православныхъ приходовъ правобережной Украины: онъ *принялъ участіе въ организациі движенія* и т. д. (стр. 325)». Категорическое утвержденіе г. Грушевскаго, что Мелхиседекъ былъ организаторомъ возстанія на Украинѣ, бывшаго въ 1768 г. и извѣстнаго подъ именемъ Коливщины, — это утвержденіе, думается мнѣ, врядъ-ли соотвѣтствуетъ исторической правдѣ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть научно доказано. Мысль объ организаторской дѣятельности Мелхиседека въ возстаніи въ 1768 г., вышедшая изъ польскихъ источниковъ и укрьпившаяся среди польскихъ историковъ, не безъ вѣскихъ основаній многими отвергается. Если, можетъ быть, тѣ данныя, которыя обычно приводятся въ доказательство неучастія Мелхиседека въ возстаніи, и не безусловно доказательны, то еще *меньше убѣдительно* основанія, которыя имѣются для доказательства истинности взгляда г. Грушевскаго.

Разберемъ эти основанія.

Если Репнинъ, а за нимъ и Панинъ и императрица Екатерина, видѣли въ Мелхиседекѣ (какъ и въ Гervasіи Линцевскомъ) «въ которую причину» возстанія и были недовольны ими и ихъ дѣятельностью, то это еще ничего не говоритъ о Мелхиседекѣ, какъ объ организаторѣ политическаго движенія. Русское правительство, добившись въ началѣ 1768 г. того, что Польша подпала подъ его опеку, боялось теперь всякаго новаго обстоятельства, усложняющаго польскія дѣла, а тѣмъ болѣе возстанія въ предѣлахъ Польши, которое могло уничтожить плоды пятилѣтнихъ усилій русской дипломатіи. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, связь, связь несомнѣнная, движенія политическаго на Украинѣ съ предшествовавшимъ ему религиознымъ была очевидна и для петербургскаго двора, обычно смотрѣвшаго на явленія религиозной жизни съ точки зрѣнія политическо-государственной. Отсюда понятно неудовольствіе на Мелхиседека за его противоуніатскую дѣятельность на Украинѣ, вообще *расширившую* украинскій народъ, — отсюда сѣтованія русскихъ дипломатовъ на «безпокойный нравъ» Мелхиседека¹⁾. Но и въ Петербургѣ, видно, смотрѣли на Мелхиседека, только какъ на *нѣкоторую* причину возстанія, а не какъ на организатора его. Данные архива св. Синода приводятъ насъ къ той мысли, что *суда надъ Гervasіемъ и Мелхиседекомъ производимо не было*, и отъ должностей они собственно удаляемы не были. Гervasій былъ просто поселенъ на жительство въ Кіевѣ, безъ увольненія отъ управленія епархіею²⁾.

Что же касается Мелхиседека, то его даже не сочли нужнымъ удалить изъ Переяслава, его рѣшили только не пускать на правую сторону Днѣпра. Синодъ, по давленію свѣтской власти, во исполненіе ея желанія, предписалъ Гervasію: „игумена Мелхиседека пристойнымъ образомъ оттуда (т. е. съ западнаго берега Днѣпра—собственно отъ управленія Мотронинскимъ монастыремъ) смѣнить и опредѣлить переяславскія епархіи своя, кромѣ заграничныхъ, въ пристойной монастырь по своему разсмотрѣнію“³⁾. Гervasій назначилъ Мелхиседека настоятелемъ переяславскаго Михайловскаго монастыря.

¹⁾ Объ этомъ писалъ Панинъ ещ. Гervasію 2 сент. 1768 г., письмо это см. въ 27 т. Соловьева „Истор. Россіи“, и въ 87 т. Сб. Русс. ист. Общ., стр. 161.

²⁾ См. арх. св. Синода, дѣло 1768 г., № 95, также 1770 г., № 102.

³⁾ См. арх. св. Синода, дѣло 1766 г., № 91, приложение.

Мелхиседека не судили,—видимо, не было для того данныхъ,— тѣмъ болѣе, что онъ послѣднее время предъ возстаніемъ жилъ въ Переяславѣ и на другую сторону Днѣпра не ѣздилъ вовсе.

Если бы Мелхиседекъ былъ замѣшанъ въ участіи въ возстаніи, особенно же въ организаціи его, конечно, его судили-бы, какъ судили тогда многихъ духовныхъ лицъ, часто по одному, ничѣмъ недоказанному подозрѣнію ихъ въ соучастіи съ гайдамаками. Нужно при этомъ принять во вниманіе желаніе тогдашняго петербургскаго правительства,—«на нашей сторонѣ всю Польшу имѣть», боязнь раздраженія поляковъ противъ Россіи, заботы объ утвржденіи въ Польшѣ „повѣренности націи къ намъ“ и т. д. 1). При такомъ настроеніи русскихъ дипломатовъ, трудно было бы отъ нихъ ожидать пощады Мелхиседеку. Достоинно вниманія, что польскіе мемуаристы и историки, обвиняющіе Мелхиседека въ организаціи Коливщины, говорятъ обычно о томъ, что Мелхиседека, по окончаніи возстанія, судили и послѣ суда—по утвржденію однихъ—сослали въ Сибирь 2), по утвржденію другихъ—лишили должности и отправили въ Кіевъ 3). Видимо, обвинители Мелхиседека, увѣренные въ томъ, что онъ былъ организаторомъ возстанія, *не допускаютъ и мысли о томъ, что его, какъ организатора возстанія, могли не судить.* Такимъ образомъ, самый фактъ отсутствія суда надъ Мелхиседекомъ говоритъ нѣсколько противъ г. Грушевскаго.

Если, затѣмъ, ссылаются на польскихъ мемуаристовъ и на народныя украинскія пѣсни, то сбивчивость ихъ показаній, разнорѣчивость даже о самой личности игумена—организатора возстанія, въ которой часто совершенно нельзя видѣть Мелхиседека,—все это заставляетъ относиться къ этому рода источникамъ съ осмотрительностью. Что касается польскихъ мемуаровъ, то при чтеніи ихъ, кромѣ того, что приходится сталкиваться съ историческими неточностями, нужно еще имѣть въ виду специальную точку зрѣнія тогдашнихъ поляковъ, по взгляду которыхъ, какъ справедливо утверждаетъ г. Каманинъ, „бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ униіи къ вѣрѣ отцовъ, хотя народная масса при этомъ оставалась спокойною 4).

1) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 87, стр. 185, 186, 279 и др.

2) См. напр. „Ист. польск. народа“ поляка В. Смоленскаго (перев. Спб., 1899 г., стр. 279).

3) „T. Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta“. wyd. 2. Warszawa, 1897 г.; т. I, и стр. 199—200.

4) Кіев. Стар. 1882 г., июль, стр. 59.

Далѣе, думается, еслибы Мелхиседекъ, котораго сплошь и рядомъ упрекають въ религіозномъ фанатизмѣ, былъ организаторомъ возстанія, оно носило-бы болѣе рѣзко очерченную религіозную окраску. Прочитайте воззваніе къ панскимъ хлопамъ¹⁾, распространившееся на Украинѣ главарями возстанія; въ немъ говорится только о неволѣ, ярмѣ и тягостяхъ отъ пановъ, и ни слова нѣтъ о религіозныхъ притѣсненіяхъ. Еслибы Мелхиседекъ принялъ участіе въ организаціи возстанія, онъ, конечно, фабриковалъ-бы не одну „золотую грамоту“, но и воззванія къ народу, и тогда эти воззванія прежде всего носили бы сильный *религіозный* колоритъ.

Говоря вообще, особое подчеркиваніе роли Мелхиседека въ возстаніи 1768 г. понятно только въ устахъ тѣхъ, кто въ этомъ возстаніи не видитъ ничего, кромѣ дѣла, устроеннаго „попамъ“. Между тѣмъ самъ проф. М. Грушевскій согласенъ съ тѣмъ, что, помимо случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ (цѣлага ряда ихъ), вызвавшихъ народное движеніе въ данный именно моментъ, въ основѣ его лежали глубокія причины—религіозно-національныя и соціально-экономическія.

Закончу тѣмъ, что о роли Мелхиседека въ возстаніи 1768 г. лучше говорить *ипотетически*, а не *категорически*.

Вл. П—ко.

Къ исторіи украинскихъ духовныхъ стиховъ. Христіанская легенда въ древней Руси, шедшая въ послѣднюю книжнымъ путемъ съ юга и отчасти съ запада, не замкнулась въ тѣсномъ кругу древне-русскихъ книжныхъ почитателей,—она вышла на свѣтъ и проникла глубоко въ народъ, вызвавъ въ немъ созданіе религіозной поэзіи—духовныхъ стиховъ. Духовные стихи въ Малороссіи, какъ и стихи русскіе, къ которымъ первые очень близки, отражаютъ общіе имъ источники—произведенія древне-русской книжности, главнымъ образомъ, сочиненія апокрифическія, имѣвшія въ средѣ древне-русскаго общества большее распространеніе, чѣмъ Св. Писаніе и книги церковныя. Исторія литературы достаточно полно освѣтила эту тѣсную зависимость духовнаго стиха отъ книжной христіанской легенды, такъ что вполнѣ положительно можно говорить лишь о самостоятельности обработки народной средою христіанскихъ мотивовъ въ духовныхъ стихахъ, но не о самостоятельности этихъ мотивовъ. Однако среди

¹⁾ См. у Костомарова, „Посл. годы Рѣчи Посп.“ 2 изд., 1870 г., стр. 102.